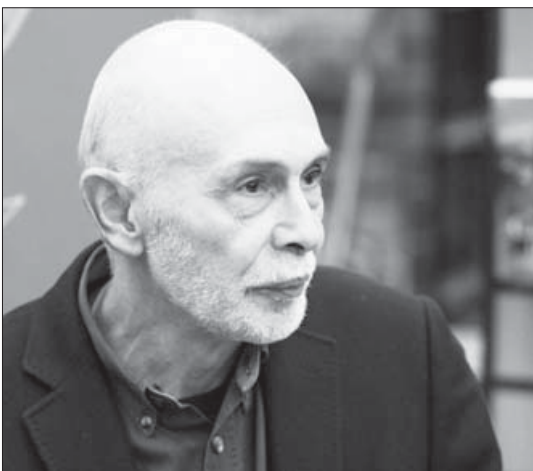

«Сталин был имперцем»

ПИСАТЕЛЬ Леонид Юзефович по профессии историк. Именно поэтому интересны его размышления о личности Сталина и его месте в новейшей истории России. Он не без веских оснований утверждает: «Пока в жизни людей не появится исторический смысл, пока они не совершат чего-то великого или хоть значительного — похоронить Сталина не удастся».

— Скажу честно: Сталин мне сейчас неинтересен. Было три волны разоблачений: первую я, родившись в 1947 году, застал. Кстати, именно смерть Сталина — первое мое более или менее сознательное воспоминание. Когда в конце пятидесятых и начале шестидесятых разоблачался культ личности, я, будучи юношей впечатлительным, горячо негодовал и спорил со сталинистами. Вторая волна — с середины восьмидесятых до начала девяностых — затронула меня уже в меньшей степени, хотя я и спорил с неосталинистами, правда, без прежней горячности. А третья волна этих дискуссий уже не задает меня вовсе, потому что со Сталиным как таковым все понятно: злодейства его ни для кого не являются секретом и никакие новые публикации никого не взбунтуют, поскольку речь идет не о конкретном человеке, а о символе. Все мы прекрасно знаем, что голубь — пометочная птица отравительного нрава, что только у голубей принято заклевывать

большого товарища, но ничего не поделаешь — символ мира. Сталин давно превратился в олицетворение того, чего всем не хватает.

— «А если это символ, то чего?» — как спрашивал тридцать лет назад Олег Чухонцев.

— Можно испить стопу бумаги, но если в самом кратком выражении — это тоска народа по тому сверхчеловеческому состоянию, в котором страна достигла главных своих высот. Притом во времена Сталина это состояние часто воспринималось как мучительное, и среди современников он вовсе не был тотально любим или тем паче обожествлен. Тогда они сами себе

тиранию и жестокость, двадцать лет спустя признавались в любви к нему, чуть не обожествляли. Почему? Потому что с ним были связаны лучшие годы и главные свершения в их жизни. При этом реальные его заслуги — фактическое освобождение Монголии, которая без него осталась бы как внутренняя Монголия, слаборазвитая окраина Китая — никого не волновали, как не волнуют сегодня никого реальные и, думаю, несомненные заслуги Сталина.

— **Какие, например?**

— Например, индустриализация. Она прошла в России с вековым опозданием, и многие сегодня говорят о непомерной цене, которую по вине Сталина пришлось заплатить за нее. Но, положив руку на сердце, я не знаю, мог ли он заплатить иную цену. У меня и так репутация человека с нелиберальными воззрениями — либеральные интервьюеры называют их «странными», — поэтому забыть нечего, и я предлагаю вспомнить Англию времен промышленной революции, когда «овцы съели людей», когда людей сгоняли с земли и тут же арестовывали за бродяжничество. Что такое рабочие дома — кто-нибудь помнит по Диккенсу? Однако одна из немногих реальных и бесспорных сталинских заслуг — вот эта индустриализация — никого как раз не занимает: люди помнят состояние подвиг. Один из моих преподавателей в ответ на мои студенческие антисталинские речи склонил голову, чтобы выдвинуть без переосмысления ее шрам, и сказал: «А

я шел в атаку за Сталина и шрам этот получил за Сталина». Я не нашел, что ему возразить.

Сталин — фигура того же ядра, что Карл XII или Наполеон. Оба обескровили свои страны — Карл низвел Швецию из числа великих держав в разряд второстепенных, Наполеон положил бог весть за что 2 миллиона французов... «А все-таки нация чтит короля за то, что он уровень жизни понизил, за то, что он уровень славы повысил» — так говорилось в открыто сталинском стихотворении Станислава Куняева, опубликованном в начале семидесятых. Стоит заметить, что и сталинизм в СССР стал возрождаться в семидесятые, ближе к концу — до этого водители не наклеивали Сталина на лобовые стекла. Это его возвращение было реакцией на дефицит героического, на отсутствие смысла. Сталину сильно помогла война — многое списала. Да на это он и рассчитывал с самого начала. Иначе конец его мог быть совсем другим — тираны чаще всего становятся жертвами заговора, и было бы с ним скорее всего, как с Берией, которого подельники объявили английским шпионом.

В чем Сталин безусловно проиграл, так это именно в отсутствии финального восклицательного знака, эффектной коды, героической гибели. Умереть на поле боя, как Карл, или на скалистом острове предположительно от мшьяка, как Наполеон, — это нормальный исход для биографии героя. А умереть на подмосковной даче в старости, в одиночестве, при тайном злорадстве соратников... Это сильно выбивается из канона.

— **Допускаете вы, что другой на месте Сталина мог действовать иначе?**

— Историки не любят двух вещей: сослагательного наклонения, то есть альтернативной истории, и гаданий о будущем. Они лучше других знают, что альтернативы не бывает, а гадания бесплезны.

— **Но журналисты любят спрашивать именно об этом.**

— Тогда я и отвечу не как историк, а как литератор. Посмотрите на возможные альтернативы Сталину, например на Кирова, на его биографию и фотопортреты, и спросите себя: мог ли этот человек действовать иначе, лучше, милосерднее? Прodelайте тот же эксперимент с Троцким, попытайтесь представить Ленина, пережившего нэп... По моему, милосердный сценарий не просматривается никак. Равным образом не обнаруживается почти никого, кто мог бы тогда взять власть.

— **Иногда мне кажется, что чрезвычайные меры большевиков, а впоследствии чудовищные репрессии Сталина были попыткой гальванизовать труп, заставить его ходить и даже летать в космос, но долго так продолжаться не могло, и теперь он разлагается.**

— Не думаю: не станете же вы утверждать, что Франция в 1789 году, перед Великой революцией, была трупом?

— **Франция Людовиков — безусловно.**

— Но Франция не сводится к Людовику, как и Россия — к самодержавию. Революция была результатом долгого вырождения элиты при почти нулевой верти-

кальной мобильности. Семнадцатый год эту мобильность обесценил, и страна ответила культурным и интеллектуальным взрывом — не только с красной, но и с белой стороны. Обратите внимание, сколько блестящих военачальников появилось у белых, а кто они были? Пепеляев был подполковником, мало кому известным; Капель — подполковник и, кстати, эсер. Колчак — командующий Черноморским флотом, и это был потенциал его карьеры. При Сталине эта мобильность опять прекратилась надолго, но война снова выдвинула блестящих людей, которых он, правда, скоро задвинул. Россия и сейчас не разлагается — она в паузе, в точке выжидания. Но я давно не слежу за политикой и, так сказать, утратил ее нерв.

— **Тем не менее возможна ли сегодня победа политической силы, которая поднимет Сталина на знамя?**

— Не думаю. Наилучшие шансы на победу сейчас, объективно говоря, у националистов, а Сталин был имперцем. Впрочем, Сталин 1935 года и десять лет спустя — разные люди: в последние годы он искал компромисс между имперским и националистическим сознанием, отсюда идея старшего брата, «первого среди равных»... Но ассоциируется он все-таки с империей, а наибольшие шансы на победу, я думаю, у национального проекта. Все это, впрочем, абстракции: ни вы, ни я ничего не угадаем. Ясно одно: пока в жизни людей не появится исторический смысл, пока они не совершат чего-то великого или хоть значительного — похоронить Сталина не удастся.

Леонид Быков

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

АЛЕКСАНДР Леонидович Мясников был одним из известнейших терапевтов советского времени. В войну — главный терапевт Военно-морского флота СССР, потом — член президиума Академии медицинских наук СССР. Он среди других светил науки был на даче Сталина в последние дни диктатора. Рукопись его воспоминаний, законченных в 1965-м, незадолго до смерти, естественно, была изъята. И только спустя 45 лет она была возвращена из секретных архивов ЦК КПСС внуку Мясникова. Совсем недавно мемуары знаменитого ученого вышли в свет под названием «Я лечил Сталина». С благодарностью к автору, с долей определенного врачебного цинизма Александр Мясников вместе с личными воспоминаниями описывает историю страны.

Мемуары Мясникова стали доступны читательской аудитории благодаря стараниям его ученика, академика Евгения Чазова.

Александр Леонидович Мясников боролся в последние годы жизни Сталина за ее сохранение и оставил правдивое свидетельство о последних часах жизни вождя и причинах его смерти.

Академик АМН СССР Александр Мясников

Поздно вечером 2 марта 1953 года к нам на квартиру заехал сотрудник спецотдела Кремлевской больницы: «Я за вами — к больному хозяину». Я быстро простился с женой (неясно, куда попадешь оттуда). Мы заехали на улицу Калининскую, там ждали нас еще профессор Н.В. Коновалов (невропатолог) и Е.М. Тареев, и помчались на дачу Сталина в Кунцево.

Мы в молчании доехали до ворот: колючие проволоки по обе стороны рва и забора, собаки и полковники, полковники и собаки. Наконец мы в доме (обширном павильоне с просторными комнатами, обставленными широкими тахтами; стены отделаны полированной фанерой). В одной из комнат были уже министр здравоохранения профессор П.Е. Лукомский (главный терапевт Минздрава), Роман Ткачев, Филимонов, Иванов-Незнамов.

Министр рассказал, что в ночь на 2 марта у Сталина произошло кровоизлияние в мозг с потерей сознания, речи, параличом правой руки и ноги. Оказалось, что еще вчера до поздней ночи Сталин, как обычно, работал у себя в кабинете. Дежурный офицер (из охраны) еще в 3 часа ночи видел его за столом (смотрел в замочную скважину). Все время и дальше горел свет,

Академик Мясников: «Управлял государством, в сущности, больной человек»

но так было заведено. Сталин спал в другой комнате, в кабинете был диван, на котором он часто отдыхал. Утром в седьмом часу охранник вновь посмотрел в скважину и увидел Сталина распростертым на полу между столом и диваном. Был он без сознания. Больного положили на диван, на котором он и пролежал в дальнейшем все время. Из Москвы из Кремлевской больницы был вызван врач (Иванов-Незнамов), вскоре приехал Лукомский — и они с утра находились здесь.

Консилиум был прерван появлением Берии и Маленкова (в дальнейшем они всегда приходили и уходили не иначе как вдвоем). Берия обратился к нам со словами о постигшем партию и народ несчастье и выразил уверенность, что мы сделаем все, что в силах медицины. «Имейте в виду», — сказал он, — что партия и правительство вам абсолютно доверяют, и все, что вы найдете нужным предпринимать, с нашей стороны не встретит ничего, кроме полного согласия и помощи».

Эти слова были сказаны, вероятно, в связи с тем, что в это время часть профессоров — «врачи-убийцы» — сидела в тюрьме и ожидала смертной казни.

Сталин лежал грузный; он оказался коротким и толстоватым, обычное грузинское лицо было перекошено, правые конечности лежали как плети. Он тяжело дышал, периодически то тише, то сильнее (дыхание Чейн-Стокса). Кровяное давление — 210/110. Мерцательная аритмия. Лейкоцитоз до 17 тысяч. Была высокая температура, 38 с десятками, в моче — немного белка и красных кровяных телец. При выслушивании и простукивании сердца особых отклонений не отмечалось, в боковых и передних отделах легких ничего патологического не определялось. Диагноз нам представлялся, слава богу, ясным: кровоизлияние в левом полушарии мозга на почве гипертонии и атеросклероза. Лечение было назначено обильное: введение препаратов камфары, кофеина, строфантина, глюкозы, вдыхание кислорода, пивакси — и профилактически пенициллин (из опасения присоединения инфекции). Порядок лечебных назначений был регламентирован, но в дальнейшем он все больше стал нарушаться за счет укорочения сроков между вприскиваниями сердечных средств. В дальнейшем, когда пульс стал падать и расстройства дыхания стали угрожающими, кололи через час, а то и чаще.

Третьего утром консилиум должен был дать ответ на вопрос Маленкова о прогнозе. Ответ наш мог быть только отрицательным: смерть неизбежна.

В медицинском учреждении — Ученое совете министерства, президиуме академии, в некоторых институтах — были созваны совещания для обсуждения того, как помочь в лечении Сталина. Вносились предложения о тех или иных мерах, которые предлагалось направлять консилиуму врачей. Для борьбы, например, с гипертонией советовали способы лечения, разработанные в Институте терапии (и мне было смешно читать мне самому направленные мои же рекомендации). Прислали описание метода лекарственного сна, а между тем больной был в глубоком бессознательном состоянии — сопоре, то есть спячке. Профессор Неговский предлагал лечить расстройство дыхания аппаратом искусственного дыхания, разработанным им для спасения утопающих и отравленных угарным газом, — его машины даже втащили в дом, но, увидев больного, автор не стал настаивать на своем методе.

Сталин дышал тяжело, иногда стонал. Только на один короткий миг, казался, он осмысленным взглядом обвел окружающих его. Но взгляд уже ничего не выражал, опять сопор. Ночью много раз казалось, что он умирает.

На следующее утро, четвертого, кому-то пришла в голову идея, нет ли вдобавок ко всему инфаркта миокарда. Из больницы прибыла молодая врачиха, сняла электрокардиограммы и безапелляционно заявила: «Да, инфаркт».

«Сталин лежал грузный; он оказался коротким и толстоватым, обычное грузинское лицо было перекошено, правые конечности лежали как плети. Он тяжело дышал, периодически то тише, то сильнее»

Переполох! Уже в деле врачей-убийц фигурировало умышленное недиагностирование инфаркта миокарда у погубленных-де ими руководителей государства. Теперь, вероятно, мы и празднички. Ведь до сих пор мы в своих медицинских заключениях не указывали на возможность инфаркта, а заключения уже известны всему миру. Жаловаться на боли, столь характерный симптом инфаркта, Сталин, будучи без сознания, естественно, не мог. Лейкоцитоз и повышенная температура могли говорить и в пользу инфаркта. Консилиум был в нерешительности. Я первый решил пойти ва-банк: «Электрокардиографические изменения слишком монотонны для инфаркта — во всех отведениях. Это мозговые псевдоинфарктные электрокардиограммы. Мои сотрудники по ВММА получали такие кривые в опытах с закрытой травмой черепа. Возможно, что они могут быть и при инсультах». Невропатологи поддержали: возможно, что они мозговые, во всяком случае, основной диагноз — кровоизлияние в мозг — им достаточно ясен. Несмотря на самоуверенный дисконт электрокардиографички, консилиум не признал инфаркта. В диагноз был, впрочем, внесен новый штрих: возможны очаговые кровоизлияния в мышце сердца в связи с тяжкими сосудодвигательными нарушениями на почве кровоизлияния в базальные ганглии мозга.

От ЦК дежурил Н.А. Булганин. Я заметил, что он поглядывает на нас подозрительно и, пожелав, враждебно. Булганин блещет маршалскими звездами на погонах; лицо одутловатое, клоч волос вперед, борода — немножко похожа на какого-то царя Романова или, может быть, на генерала периода Русско-японской войны. Стоя у дивана, он обратился ко мне: «Профессор Мясников, отчего это у него рвота кровью?» Я ответил: «Возможно, это результат мелких кровоизлияний в стенке желудка сосудистого характера в связи с гипертонией и мозговым инсультом». «Возможно?» — передразнил он неприязненно.

Весь день пятого мы что-то вприскивали, писали дневник, составляли бюллетени. Тем временем на втором этаже собиравались члены ЦК; члены Политбюро подходили к умирающему, люди рангом пониже смотрели через дверь, не решаясь подойти ближе даже к по-

лумертвому «хозяину». Помню, Н.С. Хрущев, короткий и пузатый человек, также держался двери, во всяком случае, и в это время иерархия соблюдалась: впереди — Маленков и Берия, далее — Ворошилов, потом — Каганович, затем — Булганин, Микоян. Молотов был нездоров, припоздана пневмония, но он два — три раза приезжал на короткий срок.

Объяснение желудочно-кишечных кровоизлияний записано в дневнике и вошло в подробный эпикриз, составленный в конце дня, когда больной еще дышал, но смерть ожидалась с часу на час.

Наконец она наступила — в 9 часов 50 минут вечером 5 марта.

Это был момент, конечно, в высокой степени знаменательный. Как только мы уехали, то пульс пропал, дыхание прекратилось и сердце остановилось, в просторную комнату тихо вошли руководящие деятели партии и правительства, дочь Светлана, сын Василий и охрана. Все стояли неподвижно в торжественном молчании долго, я даже не знаю сколько — около 30 минут или дольше. Свершилось, несомненно, великое историческое событие. Ушел из жизни вождь, перед которым трепетала вся страна, а в сущности, в той или иной степени — и весь мир. Великий диктатор, еще недавно всесильный и недостижимый, превратился в жалкий, бедный труп, который завтра же будут кромсать на куски патологоанатомы, а в дальнейшем он будет лежать в виде мумии в Мавзолее (впрочем, как оказалось потом, недолго; затем он превратится в прах, как и трупы всех прочих обыкновенных людей). Стоя в молчании, мы думали, вероятно, каждый свое, но общим было ощущение перемены, которые должны, которые не могут не произойти в жизни нашего государства, нашего народа.

6 марта в 11-12 часов дня на Садовой-Триумфальной во флигеле во дворе здания, которое занимает кафедра

«Это был момент, конечно, в высокой степени знаменательный. Как только мы установили, что пульс пропал, дыхание прекратилось и сердце остановилось, в просторную комнату тихо вошли руководящие деятели партии и правительства, дочь Светлана, сын Василий и охрана. Все стояли неподвижно в торжественном молчании долго, я даже не знаю сколько — около 30 минут или дольше. Свершилось, несомненно, великое историческое событие. Ушел из жизни вождь, перед которым трепетала вся страна, а в сущности, в той или иной степени — и весь мир»

биохимии I МОЛМИ, состоялось вскрытие тела Сталина. Из состава консилиума присутствовали только я и Лукомский. Были типы из охраны. Вскрывал А.И. Струков, профессор I МОЛМИ (Московский ордена Ленина медицинский институт), присутствовал Н.Н. Аничков, биохимик профессор С.Р. Мордашев, который должен был балзамизировать труп, патологоанатомы профессора Скворцов, Мигунов, Русаков.

По ходу вскрытия мы, конечно, беспокоились: что с сердцем? откуда кровавая рвота? Все подтвердилось. Инфаркта не оказалось (были найдены лишь очаги кровоизлияний), вся слизистая желудка и кишок была усеена также мелкими геморрагиями. Очаг кровоизлияния в области подкорковых узлов левого полушария был величественно со слив. Эти процессы явились следствием гипертонической болезни. Артерии головного мозга были сильно поражены атеросклерозом; просвет их был очень резко сужен.

Немного жутко и забавно было видеть, как плавали в тазах с водой вынутые из Сталина внутренности — его кишки с содержимым, его печень... Sic transit gloria mundi! (так проходит мирская слава!).

Сильный склероз мозговых артерий, который мы видели на вскрытии И.В. Сталина, может возбудить вопрос, насколько это заболевание — несомненно, развившееся на протяжении ряда последних лет — сказывалось на состоянии Сталина, на его характере, на его поступках. Ведь хорошо известно, что атеросклероз мозговых сосудов, приводящий к нарушению питания нервных клеток, сопровождается рядом нарушений функций нервной системы. Прежде всего со стороны высшей нервной деятельности отмечается ослабление процессов торможения, в том числе так называемого дифференцированного — легко себе представить, что в поведении Сталина это проявилось потерей ориентации в том, что хорошо, что дурно, что полезно, а что вредно, что допустимо, что недопустимо, что друг, а кто враг. Параллельно происходит обострение черт личности: сердитый человек становится злым, несколько подозрительный становится подозрительным болезненно, начинает испытывать идеи преследования — это полностью соответствует поведению Сталина в последние годы жизни. Полагаю, что жестокость и подозрительность Сталина, боязнь врагов, утрата адекватности в оценке людей и событий, крайнее упрямство — все это создал в известной степени атеросклероз мозговых артерий (вернее, эти черты атеросклероз утрировал). Управлял государством, в сущности, больной человек. Он таил свою болезнь, избегал медицины, боялся ее разоблачений.